

Баранов Геннадий Олегович

Аспирант 2-го курса Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, кафедра предпринимательского и корпоративного права, 125993 г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д.9, стр.2,

E-mail: Gennadiy.olegovich@mail.ru

**МАКСИМАЛЬНОЕ УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ
КРЕДИТОРОВ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ПРИНЦИП
ПРОЦЕДУРЫ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА)**

Аннотация. Данная статья посвящена системному анализу теоретических и практических основ применения принципа максимального удовлетворения требований кредиторов в делах о несостоятельности (банкротстве). Автор рассматривает вопрос первенства указанного принципа среди целей и задач процедуры банкротства. В статье автор обращается к доктринальным идеям права, посвященным основным целям банкротных процедур. Особое внимание автор также уделяет отечественному и зарубежному законодательству в той части, которая позволяет раскрыть содержание рассматриваемого принципа, а также исследует вопрос о полномочиях лиц, участвующих в деле о банкротстве, способствующих реализации данного принципа. Автор проводит сравнительный анализ банкротного и корпоративного законодательства в сфере привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности как способа «снятия корпоративной вуали» в контексте максимально полного пропорционального удовлетворения требований кредиторов. В дополнение к анализу положений законодательства проводится исследование судебной практики применения норм закона об удовлетворении требований кредиторов в делах о несостоятельности (банкротстве). Подводя итоги своего исследования, автор делает выводы об актуальности и возможности реализации (применимости) исследуемого принципа на практике как в российском, так и зарубежных правовых порядках.

Список литературы

1. Павлова, Г.Г. Проблемы управления социально-экономическими системами в условиях инновационного развития. Научные материалы VIII научно-практической конференции (20 марта 2014 г.). Челябинск, 2014.
2. Wormser I. Maurice, 1912. Piercing the veil of corporate entity. Columbia Law Review.
3. Carsten Alting, Piercing the Corporate Veil in American and German Law ~ Liability of Individuals and Entities: A Comparative View, 2 TULSA J. COMP. & INT'L 187, 190, 197 (1994).
4. Sanders 159 S.E .2d at 784; TLIG Maintenance Services, 218 So. 3d at 1271.
5. Insolvency Act 1986. Available online: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1986/45/section/278#commentary-M_F_2563c3c3-5ecf-469d-f1c5-71f2d175389f.

Требования кредиторов являются неотъемлемой составляющей любой процедуры банкротства, будь то банкротство физического лица или банкротство юридического лица. Разумеется, каждый кредитор заинтересован в том, чтобы получить полное удовлетворение своего требования, а в ситуации, когда это невозможно, добиться погашения его наибольшей части.

Цель максимального удовлетворения требований кредиторов в процедуре несостоятельности (банкротства) служит некой гарантией обеспечения прав и законных интересов кредиторов. Это особенно актуально, поскольку при наступлении несостоятельности должника кредиторы зачастую ограничены в своих правах

Порядок установления требований в процедуре несостоятельности (банкротства) регулируется статьей 100 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве). Указанная статья закрепляет срок и порядок предъявления кредиторами своих

требований и рассмотрения их судом. Кроме того, непосредственно перед предъявлением своего требования в суд кредитор должен направить его внешнему управляющему.

При рассмотрении поступившего требования кредитора суд решает вопрос о его обоснованности, устанавливает его размер и определяет, в какую очередь реестра требований кредиторов будет включено такое требование. Полномочиями по внесению изменений в реестр требований кредиторов, в частности по понижению очередности требования кредитора, наделен исключительно суд.

Как предусмотрено Законом о банкротстве, реестр требований кредиторов закрывается спустя 2-месячный срок с даты опубликования конкурсным управляющим сведений о признании должника банкротом и введении в отношении него процедуры конкурсного производства. Однако на практике возможна ситуация, когда по истечении указанного периода времени требование кредитора еще не рассмотрено судом и не включено в ту или иную очередь реестра требований кредиторов. При таких обстоятельствах на конкурсного управляющего возлагается обязанность зарезервировать сумму денежных средств, необходимых для пропорционального удовлетворения требования такого кредитора. Указанные нормы закреплены в п. 6 ст. 142 Закона о банкротстве.

При этом вышеупомянутое положение никак не закрепляет порядок действий при поступлении требования не кредитора, а уполномоченного органа, на месте которого в подавляющем большинстве банкротных процедур выступает Федеральная налоговая служба. В связи с этим, представляется обоснованным дополнить норму п. 6 ст. 142 Закона о банкротстве указанием на то, что она подлежит применению к требованию уполномоченного органа, равно как и кредитора.

После того как все заявленные требования кредиторов рассмотрены, установлены и включены в реестр, конкурсная масса направляется на то, чтобы осуществлять расчеты с кредиторами и пропорционально

удовлетворять требование каждого из них. Конечно, идеальной ситуацией представляется та, когда ее достаточно для того, чтобы полностью погасить каждое требование, однако на практике такое случается крайне редко. В то же время рассмотрим некоторые причины, которые могут способствовать такому развитию событий. В первую очередь следует назвать значительное увеличение стоимости имущества должника, входящего в конкурсную массу. Ко второй причине отнесем эффективную реализацию арбитражным управляющим своих полномочий по установлению принадлежащего должнику имуществу и оспариванию сделок, совершенных должником в «период подозрительности», а также взысканию дебиторской задолженности.

Особо, отдельно от указанных причин, следует выделить возможность привлечения контролирующих должника лиц (к которым прежде всего относится генеральный директор в случае банкротства хозяйственного общества) к субсидиарной ответственности. Привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности происходит путем реализации теории «снятия корпоративной вуали» или, как она еще именуется в доктрине, теории снятия корпоративных покровов.

Первым такое название разработал Морис Уормсер в изданной им в 1912 году статье «Piercing the Veil of Corporate Entity». По его мнению, привлекать контролирующих лиц к персональной ответственности необходимо, когда юридическое лицо является лишь формой достижения его участниками своих порой противоправных интересов.

Современное российское банкротное законодательство закрепляет возможность привлекать к субсидиарной ответственности довольно значительного числа контролирующих должника лиц. В то же время в силу специфики и особенностей континентальной правовой системы эта доктрина не может быть реализована в полной мере, поскольку ключевым принципом деятельности юридического лица является то, что его учредители (участники) не несут ответственности по его долгам сверх сумм вложенного ими

имущества (денежных средств). Напротив, в англосаксонской правовой системе эта концепция довольно часто и успешно применяется.

При этом если речь идет о холдинговой структуре компаний, главенствующую позицию в которой занимает материнская компания, такие правила, как представляется, должны применяться наиболее активно. Очевидно, что обычно материнская компания если не определяет, то оказывает существенное влияние на бизнес-процессы и решения, принимаемые в дочернем обществе. Таким образом, материнская компания как бы проводит свою собственную бизнес-политику через юридическое лицо, в котором оно участвует, причем зачастую в единственном лице.

Кроме того, это позволит избежать и некоторых противоправных действий бенефициаров компаний холдинговой структуры. Так, если они сознательно создают условия, при которых разными компаниями проводится одна и та же политика, совершаются одни и те же действия в ущерб их контрагентам и кредиторам, разумеется, привлечение их к субсидиарной ответственности кажется весьма разумным механизмом пресечения такого поведения.

В частности, Закон о несостоятельности США (Insolvency Act) допускает привлечение к субсидиарной ответственности генерального директора компании, который заведомо знал о том, что компания в будущем будет ликвидирована и совершал действия, направленные на это, не предпринимая никаких усилий по сохранению бизнеса. Дополнительным доказательством тому будет служить, если генеральный директор не предпринял разумных шагов для минимизации убытков.

Именно судебная практика Соединенных Штатов Америки отличается наиболее частой реализацией теории снятия корпоративной вуали и привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности по долгам предприятия.

В то же время, очевидно, что доказать знание контролирующих лиц о том, что их действия неизбежно приведут к негативным последствиям для

компании и ее кредиторов, довольно трудно. В защиту контролирующих лиц действует правило «business judgment rule», согласно которому экономическая целесообразность тех или иных предпринимательских и управленческих решений не входит в предмет проверки судами.

Кажется, что при принятии решения о снятии корпоративной вуали особое внимание следует уделять заключениям экспертов, призванных установить, имела ли компания возможность продолжать осуществлять нормальную хозяйственную деятельность, например, в условиях появления признаков неплатежеспособности. Иными словами, представлялось ли возможным провести менеджментом компании определенные действия, направленные на реабилитацию финансового состояния юридического лица. Хотя в любом случае принятие решения о применении или неприменении этой доктрины остается за судом, который будет по собственному убеждению определять, достаточно ли в деле доказательств недобросовестного и (или) неразумного поведения менеджмента компании, в результате которого та «впала» в банкротство.

Апелляционный суд в деле Адамса фактически повторил позицию Палаты лордов в деле Соломона, согласно которому лишь суд вправе сделать вывод о наличии или отсутствии серьезных злоупотреблений со стороны руководящих лиц.

Представляется важным соблюдать баланс между обеспечением прав как руководства, участников юридического лица, так и его кредиторов. Базовая идея правовой природы юридического лица строится на том, что оно представляет собой фикцию, посредством которой физические лица реализуют свои интересы, ради которых они объединились. Именно поэтому, на первый взгляд, их ответственность должна быть отделена от ответственности компании. Однако же в ситуации, когда они осуществляют свои полномочия неразумно и недобросовестно, причиняя вред независимым добросовестным участникам гражданского оборота, неким «наказанием» для них должна выступать возможность привлечения к субсидиарной

ответственности. Сама по себе корпоративная правосубъектность юридического лица не может не иметь границ, поскольку ее деятельности регламентируется ее уставом и целями, ради которых эта компания была создана.

Таким образом, в странах англосаксонской правовой системы суды довольно нерешительны в применении доктрины снятия корпоративных покровов. Кроме того, отметим, что такие действия судов всегда должны быть обоснованными, при достаточном количестве доказательств и всех установленных обстоятельств по делу.

В Германии, в свою очередь, существует такое понятие как *Durchgriffshaftung*, описывающую ситуацию, когда ограниченная ответственность участников юридического лица не имеет значение, а его бенефициары подлежат персональной ответственности за действия компании.

В целом, в настоящее время суды довольно редко решаются на снятие корпоративной вуали и привлечение контролирующих лиц к субсидиарной ответственности за исключением случаев, когда участники компании намеренно способствовали неплатежеспособности общества и впоследствии к его несостоятельности (банкротству).

При этом такому подходу служит довольно простое и логичное объяснение: само по себе внесение в законодательства различных стран концепции ограниченной ответственности юридического лица было направлено на то, чтобы случаи привлечения его участников к ответственности были минимизированы, если не сведены на нет.

Исходя из этого, еще большая детализация и расширение границ снятия корпоративной вуали не представляется необходимым элементом совершенствования в том числе отечественного законодательства.

Напротив, применение этой доктрины и должно оставаться явлением редким, выходящим за рамки стабильной правоприменительной практики, поскольку в обратном случае попросту не будет никакой логики в существовании независимых от своих участников компаний.

Разумеется, такой подход может показаться весьма ограничительным для кредиторов, которым не удалось добиться удовлетворения своего требования в полном объеме или в большей его части, однако в таком случае уже возникает вопрос о соблюдении баланса интересов должника и его кредиторов.

Подводя итог, следует сказать, что принцип максимального удовлетворения требований кредиторов едва можно назвать практической целью, которая может быть достигнута. Разумеется, в любой процедуре банкротства такая задача должна стоять как перед конкурсным управляющим, так и судом, однако на практике ее достижение далеко не всегда представляется возможным.